

Международные отношения

Правильная ссылка на статью:

Сюе В. Роль Китая в формировании механизмов глобального климатического управления: эволюция дипломатических стратегий // Международные отношения. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.3.74860
EDN: OZCSRI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74860

Роль Китая в формировании механизмов глобального климатического управления: эволюция дипломатических стратегий

Сюе Вэньцин

кандидат исторических наук

аспирант; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1042238256@pfur.ru

[Статья из рубрики "ГЛОБАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО"](#)

DOI:

10.7256/2454-0641.2025.3.74860

EDN:

OZCSRI

Дата направления статьи в редакцию:

16-06-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования является институционально ориентированный анализ эволюции климатической дипломатии Китайской Народной Республики в контексте трансформации глобального климатического управления и современных международных отношений. Объектом исследования выступает климатическая политика КНР как стратегический элемент внешнеполитического курса и инструмент повышения международного влияния. Целью настоящего исследования является выявление особенностей используемых Китаем механизмов адаптации к глобальным экологическим вызовам, а также стратегий формирования новой архитектуры глобального управления климатом. В работе рассматриваются этапы перехода от ограниченного участия в переговорах к институциональному лидерству КНР, анализируются внешнеполитические подходы, включая продвижение принципа дифференцированной ответственности, участие в многосторонних форматах и развитие сотрудничества со странами Глобального Юга на фоне усиления геополитической

конкуренции. Методологическая основа исследования включает институциональный и сравнительно-исторический подходы, а также качественный анализ нормативных документов ООН, международных соглашений, программных актов Китая и современных экспертных источников. Научная новизна исследования заключается в комплексной оценке институциональной эволюции китайской климатической дипломатии как самостоятельного направления внешней политики в контексте трансформации глобальной климатической архитектуры в XXI веке. Впервые систематизированы ключевые этапы развития дипломатической практики Китая, подробно раскрыты механизмы формирования переговорных стратегий, адаптации к международным нормам, выстраивания переговорных коалиций и продвижения собственных климатических инициатив. Исследование демонстрирует, как Китай, изначально занимая позицию пассивного участника, сумел превратиться в активного нормообразующего актора и одного из ведущих архитекторов международной климатической системы. Сделанные выводы позволяют лучше понять растущую роль Китая в формировании справедливой, сбалансированной и многосторонней модели глобального климатического управления, в которой национальные интересы эффективно интегрируются с глобальной ответственностью.

Ключевые слова:

климатическая дипломатия, глобальное управление, Китай, Парижское соглашение, международные переговоры, экологическая безопасность, принцип ответственности, южное сотрудничество, энергетический переход, внешняя политика

Введение

Проблема глобального изменения климата на сегодняшний день занимает центральное место в международной политической повестке, охватывая широкий спектр вопросов — от безопасности до экономики, социальных и гуманитарных аспектов [\[1\]](#). Переход климатических изменений в разряд транснациональных вызовов требует формирования устойчивых институтов глобального управления, опирающихся на коллективные усилия государств [\[2\]](#). Это делает вопросы климатического регулирования не только предметом экологической политики, но и важнейшей частью современной дипломатии и внешнеполитической стратегии крупнейших держав [\[3; 4\]](#).

В последние годы активно развивается исследование климатической дипломатии Китая как важнейшего компонента его внешнеполитического курса в условиях глобальной трансформации. Ряд исследователей подробно анализирует внутренние мотивации, институциональные преобразования и особенности политического процесса формирования китайской климатической политики.

Так, Фэй Тэн и Пу Ван подчеркивают, что внутренняя легитимация власти через экологические реформы, повышение уровня экологической осведомленности элит и граждан, а также экономическая необходимость перехода к низкоуглеродной модели стали ключевыми внутренними драйверами климатической политики Китая [\[5\]](#). При этом внешнеполитическая составляющая их анализа носит вспомогательный характер.

Ли С и П. Паттберг и др. акцентируют внимание на геополитическом измерении климатической дипломатии Китая, подчеркивая её использование как инструмента продвижения глобального лидерства, формирования собственных норм, укрепления

имиджа ответственного актора и усиления влияния на коалиции стран Глобального Юга [6]. Однако в их исследовании эволюция климатической дипломатии Китая как институциональной дипломатической практики во внешней политике системно не прослеживается.

Исследование А.К.Галимзяновой сосредоточено на институциональной роли Китая в рамках Парижского соглашения и международных климатических переговоров. Автор фиксирует постепенный рост обязательств Китая, но вопросы стратегической трансформации его дипломатии остаются лишь в общих чертах [7].

Г.В. Кондратенко рассматривает экологическую дипломатию Китая в более широком контексте Северо-Восточной Азии, обращая внимание на тесную связь внутренней экологической политики с внешнеполитическими задачами. Однако динамика перехода Китая к формированию глобальной климатической повестки остаётся вне её фокуса [8].

Я.В. Лексютина исследует более широкий контекст участия Китая в системе глобального управления. По её мнению, китайская внешняя политика демонстрирует постепенный отход от изоляционизма к активному участию в формировании глобальных норм. Однако специфика климатической дипломатии в её анализе рассматривается как второстепенная часть общей картины [9].

М.Ревизорский в рамках исследования развития глобального управления через G20 показывает усиление роли Китая в многосторонних механизмах регулирования, где климатическая дипломатия упоминается как элемент более широкой трансформации глобальной архитектуры управления [10].

Таким образом, в существующих работах значительное внимание уделяется либо внутренним факторам эволюции климатической политики Китая, либо общим вопросам его участия в системе глобального управления. Однако именно комплексная эволюция климатической дипломатии КНР как самостоятельного инструмента внешней политики в контексте трансформации глобальной климатической архитектуры на сегодняшний день остаётся недостаточно изученной.

Настоящее исследование призвано восполнить данную лаку. Особое внимание уделяется историко-политическому анализу трансформации климатической дипломатии Китая: от осторожного вовлечения в международные климатические переговоры в 1970–1990-х годах [11] к активному лидерству в глобальном климатическом управлении после 2015 года. Китайская позиция, базирующаяся на принципах «общей, но дифференцированной ответственности», приверженности многосторонности и кооперации, позволила стране не только защитить свои национальные интересы, но и превратиться в одного из ключевых акторов формирования глобальных климатических институтов [12].

Таким образом, Целью настоящего исследования является выявление особенностей используемых Китаем механизмов адаптации к глобальным экологическим вызовам, а также стратегий формирования новой архитектуры глобального управления климатом.

Методологической основой исследования выступает качественный контент-анализ официальных документов и экспертных источников, включая международные климатические соглашения (РКИК ООН, Киотский протокол, Парижское соглашение), программные документы КНР в сфере климатической политики, материалы ООН, а также аналитические доклады и научные публикации отечественных и зарубежных

исследователей.

Исследование сочетает институциональный подход и анализ внешнеполитических стратегий, что позволяет проследить, каким образом Китай участвует в формировании глобальных климатических институтов, адаптируя свою дипломатическую практику к изменяющейся международной среде. Особое внимание уделяется стратегической логике принятия внешнеполитических решений, институциональной динамике нормотворчества, а также взаимодействию с многосторонними форматами.

Исторический контекст формирования глобального климатического управления

Во второй половине XX века последствия индустриализации начали выходить за рамки локальных экологических проблем, приобретая все более отчетливый транснациональный характер. Активное использование ископаемых источников энергии, сопровождавшееся ростом выбросов парниковых газов, поставило под угрозу устойчивость всей биосферы планеты, трансформировав проблему изменения климата в вопрос глобального выживания. При этом уже на начальном этапе обсуждения климатической повестки стали очевидны ее глубокие политические, экономические и технологические измерения, выходящие за пределы чисто научного дискурса.

Первая серьезная попытка интернационализации экологической проблематики была предпринята в рамках Конференции ООН по окружающей среде в Стокгольме (1972 г.), где, хотя и не была выдвинута проблема климата как отдельная угроза, впервые обозначилась необходимость глобального взаимодействия по вопросам охраны окружающей среды [\[13\]](#). Этот форум положил начало формированию нового измерения глобальной дипломатии — экологической и, позднее, климатической дипломатии.

Ключевым поворотным моментом стал 1988 год — создание Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК), деятельность которой впервые институционализировала научную базу международных переговоров по климату и позволила перейти от разрозненных научных обсуждений к политически значимым оценкам и прогнозам [\[14\]](#). Именно с этого времени климатический вопрос начинает постепенно выходить на передний план международной политической повестки как нетрадиционная угроза международной безопасности.

Важно подчеркнуть, что в отличие от традиционных угроз — вооруженных конфликтов или гонки вооружений — изменение климата явилось более сложным вызовом: оно не имело четко выраженного субъекта-агрессора, а его последствия распространялись асимметрично в зависимости от экономического развития государств. Этот фактор с самого начала предопределил сложность выработки единых международных договоренностей.

В 1992 году на Саммите Земли в Рио-де-Жанейро была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН), зафиксировавшая принцип «общей, но дифференцированной ответственности» (Common but Differentiated Responsibilities) [\[15\]](#). Впервые признавалось, что развитые страны несут историческую ответственность за большую часть выбросов, а развивающимся государствам необходимо предоставлять поддержку без ущемления их права на развитие. Этот компромисс стал отражением сложной природы глобального климатического управления, где вопросы экологической ответственности тесно переплетаются с проблемами международной справедливости, правом на экономический рост и доступом к технологиям.

Наряду с инициативами, реализованными под эгидой ООН, важный вклад в институционализацию климатической повестки внесли страны «Группы семи» (G7). Начиная с конца 1970-х годов, на саммитах G7 последовательно поднимались вопросы устойчивого развития, энергоэффективности и финансирования экологических программ [16]. В частности, на саммите в Токио (1979) и в Версале (1982) обсуждались меры по снижению зависимости от ископаемого топлива и были заложены принципы координации климатической политики между крупнейшими промышленными державами. Эти инициативы стали основой для формирования согласованных международных подходов к управлению глобальными экологическими рисками. Тем не менее, участие Китая в подобных инициативах на данном этапе было ограниченным, что во многом объяснялось особенностями его внешнеполитического курса в конце XX века.

Особенно актуален этот принцип оказался для Китая — страны, поздно вступившей на путь индустриализации, но обладающей высокой зависимостью от углеводородной энергетики. Уже на начальных этапах участия в глобальных переговорах Китай выстраивал свою позицию вокруг защиты права на развитие и настаивал на том, что любая климатическая архитектура не должна встраивать скрытые элементы технологического и экономического давления со стороны развитых стран.

В 1997 году Киотский протокол стал следующим этапом институционализации климатического управления, введя юридически обязывающие обязательства по сокращению выбросов для промышленно развитых стран. Важно отметить, что развивающиеся страны, включая Китай, были освобождены от таких обязательств на первом этапе, что отражало признание их более ограниченных возможностей перехода к низкоуглеродной модели экономики [17]. Однако уже тогда политизация климатического дискурса стала очевидной. Принятая в США резолюция Берда-Хагела фактически заблокировала участие Вашингтона в Киотском протоколе, что подорвало баланс интересов сторон и выявило хрупкость политических компромиссов [18].

Кульминацией многолетних переговоров стало Парижское соглашение 2015 года, радикально изменившее архитектуру международной климатической политики. Оно ввело новую модель добровольных национальных вкладов (NDCs), что означало постепенный отход от жёсткой биполярной структуры глобального взаимодействия между индустриально развитыми и развивающимися странами и перенос акцентов с межгосударственных обязательств на внутреннюю политику стран [3]. Китай, обладая уже значительно возросшим экономическим и дипломатическим потенциалом, не только активно участвовал в переговорах, но и выступил одним из гарантов достижения итоговых договоренностей [19]. Парижское соглашение позволило КНР выйти на новый уровень ответственности, при этом сохранив гибкость в определении собственных обязательств.

С конца XX века климатические переговоры все в большей степени становятся ареной сложной борьбы за перераспределение глобальных потоков капитала, технологий и политического влияния. Возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, научный консенсус относительно опасности изменения климата укрепляется; с другой — единства среди ведущих держав по вопросу обязательств добиться не удаётся.

Развитые страны, продвигая климатическую повестку, стремились одновременно закрепить свое технологическое лидерство и усилить зависимость развивающихся государств от поставок "чистых" технологий, нередко сопровождаемых экономическими и политическими условиями. В этих условиях Китай настойчиво выстраивал стратегию

защиты национального суверенитета в энергетической политике, одновременно осознавая необходимость собственного вклада в борьбу с изменением климата в силу растущей роли в глобальной экономике .

Противоречивую роль в этих процессах играли США: с одной стороны, они оставались ведущим научным и финансовым центром по вопросам климата, с другой — демонстрировали избирательность участия в климатических соглашениях. Отказ от Киотского протокола, а позже и временный выход из Парижского соглашения в 2017 году подорвали стабильность системы климатического управления [\[20\]](#). Эти шаги фактически способствовали усилению роли Китая как конструктивного переговорщика и ответственного глобального актора [\[21\]](#).

Помимо действий США, ключевую роль в институциональной архитектуре климатической повестки продолжают играть и другие западные государства, прежде всего страны «Группы семи» (G7). На протяжении 2000-х и 2010-х годов саммиты G7 стали платформами выработки согласованных позиций по вопросам климатического финансирования, технологического сотрудничества и нормативного регулирования. В 2009 году на саммите в Л'Акуиле была подтверждена приверженность переходу к низкоуглеродной экономике, а в 2015 году, накануне Парижского соглашения, G7 приняла обязательства по увеличению поддержки развивающихся стран в рамках климатических фондов. Однако, несмотря на значимость этих инициатив, многие из них оставались частично реализованными или носили декларативный характер, что вызывало критику со стороны Глобального Юга и подчёркивало необходимость выработки более инклюзивной модели глобального климатического управления.

Именно в этой сложной внешнеполитической конфигурации Китай начал последовательно трансформировать свою климатическую дипломатию: от пассивного участника — к самостоятельному центру переговорной активности, способному выстраивать как альянсы с развивающимися странами в рамках G77+Китай и BASIC, так и конструктивный диалог с ЕС и отдельными западными державами [\[22; 23\]](#). Данный эволюционный путь встраивался в более широкий контекст подъема Китая как самостоятельного центра силы в системе международных отношений.

Этапы становления и развития климатической дипломатии Китая

1. Начальный этап: вовлечение Китая в глобальные климатические переговоры (1972–2007 гг.)

Начальный этап развития климатической дипломатии Китая характеризуется постепенным вовлечением страны в международные переговорные процессы в сфере глобального экологического и климатического управления. Отправной точкой этого процесса стало участие Китая в Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде (1972 г.), что знаменовало начало осознания китайским руководством транснациональной природы экологических вызовов и необходимости участия в глобальном сотрудничестве [\[11\]](#). Тем не менее, на данном этапе климатические проблемы еще не занимали центрального места во внешнеполитической стратегии КНР.

К концу 1980-х годов с созданием Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) и принятием первых экспертных докладов проблема изменения климата была институционализирована на международной арене. Участие Китая в Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН, 1992 г.) стало поворотным моментом, ознаменовавшим официальное признание КНР важности

глобального климатического управления и ее готовности участвовать в соответствующих переговорах [\[15\]](#).

Формирование китайской позиции в климатической дипломатии происходило в тесной связи с защитой национальных интересов устойчивого развития и суверенитета. Китай с самого начала настаивал на закреплении принципа «общей, но дифференцированной ответственности» как основы международного климатического режима [\[20\]](#). В интерпретации Пекина данный принцип позволял учитывать исторические дисбалансы в уровнях выбросов между индустриально развитыми и развивающимися странами, а также отражал объективные ограничения Китая, обусловленные высокой зависимостью от углеродоемкой энергетики и необходимостью ускоренной модернизации экономики.

Особую обеспокоенность вызывала проблема технологических и финансовых барьеров, сдерживающих возможность Китая и других развивающихся стран осуществить быстрый переход к низкоуглеродной модели без существенного ущерба для экономического роста. На протяжении 1990-х годов Китай активно настаивал на передаче технологий и финансовой поддержке со стороны развитых стран, что зафиксировано в положениях РКИК ООН (статья 4) [\[15\]](#). Однако значительная часть обязательств развитых государств по передаче технологий и ресурсов осталась нереализованной, что усиливало недоверие со стороны Пекина к реальной готовности Запада соблюдать принципы справедливости в климатической политике.

Отдельно стоит отметить, что в этот период стратегия Китая сочетала внешне демонстративную приверженность международному сотрудничеству с внутренней осторожной позицией — «выжидать в тени», что соответствовало общей линии китайской дипломатии конца XX века. Это позволило КНР формировать собственную внутреннюю стратегию в сфере климата при минимальных внешнеполитических издержках.

2. Этап активного участия и институционального оформления (2007–2015 гг.)

Период с 2007 по 2015 год стал этапом качественного усложнения китайской климатической дипломатии, когда КНР из пассивного наблюдателя превратилась в активного участника глобальных переговоров по климату, формируя собственную институциональную базу и демонстрируя готовность брать на себя часть международной ответственности.

В 2007 году был опубликован первый Национальный план Китая по борьбе с изменением климата, обозначивший приоритетные направления государственной климатической политики и зафиксировавший долгосрочные целевые показатели по снижению углеродной нагрузки [\[24\]](#). С этого времени ежегодное издание Белых книг о политике Китая в сфере изменения климата стало важным элементом институциональной открытости и демонстрации приверженности международным обязательствам.

Ключевым моментом данного этапа стало публичное заявление Китая о добровольных обязательствах по сокращению выбросов к 2020 году, включая снижение углеродоемкости ВВП на 40–45% по сравнению с уровнем 2005 года и увеличение доли неископаемых источников энергии до 15% [\[25\]](#). Эти шаги символизировали первую фазу перехода Китая к модели ответственности «добровольных обязательств», соответствующей духу гибкости, постепенно внедряемой в международные климатические соглашения.

Особое значение в этот период имело участие Китая в переговорах на Копенгагенской

конференции (2009 г.), где обострились противоречия между развитыми и развивающимися странами. Китай, опираясь на коалицию стран BASIC (Бразилия, Южная Африка, Индия, Китай) и поддержку G77+Китай, активно защищал право развивающихся стран на экономический рост при одновременной борьбе с изменением климата [\[26\]](#). Данный опыт укрепил для Пекина осознание важности координации позиций Юга в условиях продолжающейся доминации западных стран в переговорном процессе.

Важной частью климатической дипломатии Китая стало также активное участие в инициативе «расширяет климатическое сотрудничество со странами Глобального Юга» по вопросам изменения климата. Уже в 2009 году Китай начал оказывать помощь африканским странам в строительстве экологически чистых объектов, включая проекты биогаза, солнечной энергетики и малой гидроэнергетики. Это направление позволило Пекину укрепить собственные внешнеполитические позиции в развивающемся мире и продемонстрировать альтернативную модель климатического сотрудничества, независимую от западных институтов.

3. Этап лидерства и проактивной климатической дипломатии (с 2015 г.)

С 2015 года китайская климатическая дипломатия вступила в новую фазу, характеризующуюся ростом амбиций и лидерских притязаний КНР в системе глобального климатического управления. Поворотной точкой стало участие Китая в Парижской конференции и подписание Парижского соглашения, которое КНР активно поддержала и способствовала достижению итоговых договоренностей.

Пекин официально представил Национально определяемый вклад (NDC), зафиксировав амбициозные цели: достижение пика выбросов CO₂ к 2030 году и снижение углеродоемкости ВВП на 60–65% по сравнению с уровнем 2005 года [\[19\]](#). Кроме того, Китай обязался довести долю неископаемых источников энергии в первичном энергопотреблении до 20%, что стало существенным вкладом в реализацию Парижского соглашения.

Китайская дипломатия всё активнее интегрировала климатическую тематику в более широкий нарратив внешнеполитического позиционирования КНР, в том числе в рамках концепции «сообщества единой судьбы человечества» [\[27\]](#). Эта концепция подчеркивает необходимость коллективной ответственности стран в решении глобальных вызовов и отражает стремление Китая к формированию более справедливого международного порядка.

Одновременно с этим значительно возросла роль Китая в международном климатическом финансировании и поддержке развивающихся стран. В 2015 году был создан Фонд сотрудничества в области изменения климата между Китаем и странами Глобального Юга, направленный на помощь развивающимся странам в реализации климатических проектов, повышении устойчивости и подготовке кадров в области защиты климата [\[28\]](#). К 2023 году в рамках инициативы «Зелёного шелкового пути» Китай реализовал более 70 проектов в 39 странах, подписав 48 соглашений о сотрудничестве в области климата [\[23\]](#).

Позиция Китая в глобальных переговорах ещё более укрепилась на COP29 в Баку (2024 г.), где Китай продемонстрировал лидерскую роль в выработке новой повестки энергетического перехода, представив собственный доклад «Перспективы перехода к энергетике-2024» [\[29\]](#). При этом Пекин продолжил настаивать на необходимости выполнения развитыми странами своих финансовых обязательств перед

развивающимися странами, подчеркнув сохраняющийся дефицит климатического финансирования.

Таким образом, к настоящему времени климатическая дипломатия Китая прошла путь от осторожного вовлечения к активному лидерству в системе глобального климатического управления. При этом формируемая Пекином модель дипломатии сочетает в себе элементы международной ответственности, защиты национальных интересов и переосмысления архитектуры глобального управления в пользу более справедливого и многостороннего порядка.

Историческая преемственность и особенности китайской климатической дипломатии

На протяжении всей эволюции китайской климатической дипломатии фундаментальным элементом её внешнеполитической доктрины остаётся принцип «общей, но дифференцированной ответственности» (common but differentiated responsibilities — CBDR). Этот принцип был официально зафиксирован в Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 года и с самого начала стал основой переговорной позиции Китая. Его смысл заключается в признании общего вклада всех стран в процесс борьбы с изменением климата при дифференцировании степени ответственности в зависимости от уровня исторических выбросов и стадии экономического развития.

В контексте Китая данный принцип отражает одновременно как экономические реалии, так и исторические аргументы. С одной стороны, в течение длительного времени наибольшая доля кумулятивных выбросов приходилась на индустриально развитые страны Запада, которые активно использовали ископаемое топливо в процессе ранней модернизации своих экономик. С другой стороны, как развивающаяся экономика, Китай лишь относительно недавно достиг уровня активной индустриализации, что обуславливает объективные ограничения его низкоуглеродного перехода.

Китайская дипломатия последовательно настаивала на том, что страны, исторически отвечающие за большую часть накопленных выбросов, должны оказывать развивающимся государствам финансовую, технологическую и институциональную поддержку. Несмотря на обязательства, зафиксированные в ст. 4 РКИК ООН, многие развитые страны фактически уклонялись от полноценного выполнения своих обязательств по передаче технологий и предоставлению финансовой помощи [\[15; 18\]](#). Это усиливало позиции Китая, формируя нарратив о необходимости восстановления справедливости в глобальном климатическом управлении.

Даже в период усиления своих обязательств в рамках Парижского соглашения Китай продолжил опираться на принцип CBDR как легитимную основу сохранения баланса между обязательствами и правом на развитие. Эта преемственность обеспечивает Китаю возможность гибко адаптировать свои международные обязательства в зависимости от собственных социально-экономических приоритетов.

Ключевой особенностью китайской климатической дипломатии является её стабильная приверженность многостороннему подходу в решении климатических вопросов. Китай традиционно рассматривает институты ООН, прежде всего РКИК ООН и Парижское соглашение, в качестве легитимной международной платформы для согласования климатических обязательств и координации глобальных усилий.

Такой подход формировался как реакция на попытки отдельных акторов, прежде всего Соединённых Штатов, использовать климатические вопросы в рамках односторонней

повестки и вне многосторонних процедур. Отказ США от ратификации Киотского протокола, выход из Парижского соглашения в 2017 году ^[20] и последующие попытки политизации климатической повестки усиливали тревогу Пекина относительно рисков фрагментации глобального управления.

Китайская позиция исходит из того, что любые изменения архитектуры глобального климатического режима должны осуществляться в рамках универсальных соглашений и в соответствии с принципами равноправия всех сторон. В этом контексте Пекин активно сопротивляется формированию закрытых блоков, принуждающих страны к выполнению дополнительных обязательств за пределами многосторонних договорённостей. Подобная позиция усиливает имидж Китая как защитника интересов развивающихся стран и сторонника инклюзивного глобального порядка.

Китайская климатическая дипломатия демонстрирует акцент на механизмах взаимовыгодного международного сотрудничества как на одном из центральных инструментов реализации климатических целей. Пекин рассматривает борьбу с изменением климата не только как обязанность, но и как возможность для расширения внешнеполитического влияния путём выстраивания стратегического партнёрства с развивающимися странами.

Особую роль здесь играет развитие формата сотрудничества между странами Глобального Юга. Уже с 2009 года Китай начал оказывать развивающимся странам поддержку в создании объектов возобновляемой энергетики, предоставлении экологических технологий и обучении кадров в сфере климатической политики. Создание в 2015 году Китайского фонда сотрудничества между странами Глобального Юга по вопросам изменения климата ^[13] стало институциональным оформлением этого направления.

К 2023 году Китай реализовал более 70 проектов по смягчению последствий изменения климата и адаптации в более чем 30 странах, подписал 48 соглашений о климатическом сотрудничестве с 39 государствами ^[23]. Эти шаги позволили КНР не только укрепить связи с государствами Африки, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, но и утвердить себя в качестве ответственного и конструктивного глобального актора, предлагающего альтернативу западнцентричной модели климатического финансирования.

Подобная стратегия укрепляет международный имидж Китая как посредника между индустриально развитыми и развивающимися странами, способного балансировать интересы обеих групп при выработке глобальных климатических решений.

В последние годы климатические вопросы становятся всё более политизированными на фоне усиливающегося глобального соперничества между Китаем и Западом. Для западных стран климатическая повестка часто оказывается встроенной в более широкие механизмы геополитического давления и конкуренции в сфере передовых технологий, доступа к редкоземельным ресурсам, контролю над цепочками поставок «зелёной экономики» и установлению нормативных стандартов в новой глобальной энергетике.

Китай воспринимает подобные тенденции как риск подмены целей климатической политики стратегическими интересами отдельных акторов. В условиях активизации западных инициатив, направленных на формирование так называемых «углеродных союзов» или «климатических клубов» с ограниченным составом участников, Пекин отстаивает необходимость сохранения открытого, универсального и справедливого

характера климатического управления [\[12\]](#).

При этом соперничество отражается и в области технологий: Китай последовательно развивает собственную научно-технологическую базу в сфере возобновляемой энергетики, хранения энергии, водородной экономики и систем «умных сетей» с целью снизить зависимость от западных технологических поставщиков и укрепить автономность своего климатического курса.

Таким образом, политизация климатических вопросов в контексте глобального соперничества с Западом не только усложняет архитектуру международного климатического управления, но и служит катализатором для дальнейшей трансформации китайской климатической дипломатии. Китайская внешнеполитическая стратегия в области климата приобретает всё более комплексный характер, совмещая в себе элементы дипломатической гибкости, технологического суверенитета, экономической адаптации и идеологического позиционирования.

В этом контексте важным представляется сопоставление климатических стратегий Китая и стран G7. Если западные державы, как правило, связывают климатическую политику с продвижением технологических стандартов, усилением нормативного регулирования и использованием рыночных механизмов давления, то Китай делает акцент на политической гибкости, принципе справедливости и поддержке развития. Пекин предлагает модель, ориентированную на прагматизм и инклюзивность, особенно привлекательную для стран Глобального Юга. Такое расхождение подходов свидетельствует не только о различии интересов, но и о конкуренции между двумя парадигмами глобального климатического управления: нормативно-либеральной западного типа и институционально сбалансированной китайского типа.

Эволюция китайской климатической дипломатии демонстрирует переход от пассивной адаптации к международной климатической повестке к активному формированию правил глобальной климатической архитектуры. В этих условиях Пекин не только защищает национальные интересы, но и последовательно выстраивает собственную модель глобального лидерства, предлагая альтернативную концепцию справедливого, инклюзивного и многостороннего управления глобальными экологическими вызовами. Таким образом, развитие китайской климатической дипломатии становится важным элементом более широкой трансформации глобального управления в эпоху меняющегося мирового баланса сил.

Заключение

Эволюция климатической дипломатии Китая на протяжении последних десятилетий свидетельствует о существенном изменении её роли в системе глобального климатического управления. От первоначального ограниченного участия в международных переговорах КНР перешла к более активной и многоплановой стратегии, направленной на формирование институтов и норм глобальной климатической архитектуры.

В настоящее время китайская климатическая дипломатия реализуется через несколько взаимодополняющих стратегических направлений. Первое связано с продвижением принципа общей, но дифференцированной ответственности, обеспечивающего сочетание защиты национальных интересов и выполнения международных обязательств. Второе направление заключается в институциональном участии в многосторонних соглашениях и механизмах, таких как Рамочная конвенция Организации Объединённых Наций об изменении климата и Парижское соглашение, где Китай выступает в качестве активного

участника процессов нормообразования. Третье направление выражается в развитии сотрудничества со странами Глобального Юга, включая реализацию совместных проектов, поддержку перехода к низкоуглеродной экономике и предоставление технической помощи. Четвёртое стратегическое измерение отражает использование климатической дипломатии как инструмента позиционирования КНР в условиях глобального соперничества, в том числе в контексте конкурирующих моделей регулирования.

Сформированная модель китайской климатической дипломатии представляет собой комплексный подход, сочетающий нормативную активность, институциональное вовлечение и внешнеполитическую адаптивность. Эти элементы позволяют КНР участвовать в трансформации глобальной климатической архитектуры с учётом как внутренних задач устойчивого развития, так и внешних вызовов международной обстановки.

Библиография

1. Бондаренко Л. В., Маслова О. В., Белкина А. В., Сухарева К. В. Глобальное изменение климата и его последствия // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. 2018. № 2 (98). С. 84-93.
2. Точка невозврата – это критический порог, пересечение которого приводит к масштабным, ускоряющимся и зачастую необратимым изменениям в климатической системе // Wikipedia. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.bc74b509-67bb2e55-b62e7903-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Tipping_points_in_the_climate_system#cite_note-Lenton2019-3 (дата обращения: 20.03.2025).
3. Парижское соглашение // Организация Объединённых Наций. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement> (дата обращения: 22.03.2025).
4. Ковалев Ю. Ю., Степанов А. В., Бурнасов А. С. Международная климатическая дипломатия в поисках решения глобальной проблемы // Tempus et Memoria. 2017. № 12. С. 117-131.
5. Teng F., Wang P. The evolution of climate governance in China: drivers, features, and effectiveness // Environmental Politics. 2021. Vol. 30, Sup. 1. P. 141-161. DOI: 10.1080/09644016.2021.1985221.
6. Li X., Pattberg P., Widerberg O. China's climate governance from 2009 to 2019: motivations, instruments, actors, and geopolitics // Climate Policy. 2024. Vol. 24, No. 3. P. 378-395. DOI: 10.1080/14693062.2023.2260352.
7. Галимзянова А. К. Климатическая дипломатия Китая и Германии // Восточный альманах. 2021. Вып. 5. С. 14-19.
8. Кондратенко Г. В. Экологическая дипломатия стран Северо-Восточной Азии // Известия Восточного института. 2016. № 2 (30). С. 47-50.
9. Лексютина Я. В. Участие КНР в глобальном управлении: исторический фон и современный этап // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 2. С. 7-9. DOI: 10.31857/S013128120009750-6
10. Ревизорский М. "Группа двадцати" и развитие нового механизма глобального управления // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12, № 3. С. 32-52. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-03-32
11. Охрана глобального климата в интересах нынешнего и будущих поколений человечества. 21 декабря 1990 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 23.03.2025).
12. Wang Yi: Principle of common but differentiated responsibilities should be adhered to in

- addressing climate change // Министерство иностранных дел КНР. 28.09.2014. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/201409/t20140928_329770.shtml (дата обращения: 23.03.2025).
13. Ковалев Ю. Ю. "Зеленая экономика" и экологическая модернизация хозяйства КНР // На пути к Китайскому миру: коллективная монография / под ред. Н. А. Случи. М.: Издательство МГУ им. М. В. Ломоносова, 2018. С. 145-159.
14. IPCC, The IPCC 1990 and 1992 Assessments. URL: <https://www.ipcc.ch/report/climate-change-the-ipcc-1990and-1992-assessments/> (дата обращения: 21.03.2025).
15. Рамочная конвенция Организации Объединённых Наций об изменении климата. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 21.03.2025).
16. Элла К. Глобальное управление в сфере изменения климата: достижения и перспективы // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 9(4). С. 55-86.
17. Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединённых Наций об изменении климата. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (дата обращения: 21.03.2025).
18. Byrd-Hagel Resolution. Sponsored by Senator Robert Byrd (D-WV) and Senator Chuck Hagel (R-NE). 25.07.1997. URL: <https://web.archive.org/web/20160809040037/https://www.nationalcenter.org/KyotoSenate.html> (дата обращения: 23.03.2025).
19. Доклад о прогрессе в реализации определяемого на национальном уровне вклада (ОНУВ) в борьбе с изменением климата. 30.06.2015. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2015-06/30/content_2887330.htm (дата обращения: 23.03.2025).
20. Официальный представитель Министерства иностранных дел Хуа Чуньин проводит очередную пресс-конференцию 1 июня 2017 года. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/fyrbt_673021/jzhsl_673025/201706/t20170601_5414895.shtml (дата обращения: 23.03.2025).
21. Ли Цзинси, Лю Цзясюань. Климатическая дипломатия Китая в контексте энергетического перехода // Современный Китай и мир. 2022. № 4. С. 91-99.
22. Создание новой возможности взаимовыгодного сотрудничества в области управления климатом. 03.01.2021. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-11/03/content_5648497.html (дата обращения: 23.03.2025).
23. Очередная пресс-конференция 20 декабря 2023 г. у официального представителя МИД КНР Ван Вэньбиня. URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/mtfw/ce_cegw_chn/lxjzhzhdh/202312/t20231222_11209698.html (дата обращения: 27.03.2025).
24. Белая книга: Политика и действия Китая по решению проблемы изменения климата (2011). 27.10.2021. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2021-10/27/content_5646697.htm (дата обращения: 23.03.2025).
25. Представление Департаментом по изменению климата Национальной комиссии по развитию и реформам Китая Комитету ООН по изменению климата целевых показателей добровольного сокращения выбросов. 01.02.2010. URL: https://unfccc.int/files/meetings/cop_15/copenhagen_accord/application/pdf/chinacphaccord_app2.pdf (дата обращения: 23.03.2025).
26. Интерпретация экономических и торговых инициатив Четвертой конференции министров Форума китайско-африканского сотрудничества (FOCAC). 05.05.2010. URL: <https://m.mofcom.gov.cn/article/zcjd/jdzhs/201005/20100506899011.shtml> (дата

обращения: 23.03.2025).

27. Веселова Д. Н. Климатическая политика Китая: процессуальная составляющая // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. № 2 (44). С. 121-131. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-02-121-131

28. КНР создаст фонд помощи кооперации "Юг-Юг" в выполнении Целей развития // РИА Новости. 26.09.2015. URL: <https://ria.ru/20150926/1283837656.html> (дата обращения: 25.03.2025).

29. Участники COP-29 утвердили климатическое финансирование в \$300 млрд ежегодно // ТАСС. 24.11.2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22481715?ysclid=m8ptaz36mg500082767> (дата обращения: 23.03.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная к рецензированию рукопись посвящена исследованию эволюции роли Китая в формировании механизмов глобального управления климатом. Поскольку проблемы экологии традиционно относятся к числу наиболее острых глобальных проблем, актуальность данной темы представляется очевидной. В целом, статья производит весьма благоприятное впечатление, хотя некоторые частные моменты имеет смысл уточнить. Прежде всего, следует определиться с целью исследования. Завершая обзор ключевых работ по теме, автор пишет, что предпринятое исследование направлено на заполнение существующей лакуны посредством комплексного изучения «эволюции климатической дипломатии КНР как самостоятельного инструмента внешней политики в контексте трансформации глобальной климатической архитектуры». Однако, далее автор дает несколько иную формулировку цели, а именно – «углублённый анализ того, как трансформация китайской климатической дипломатии становится не только отражением адаптации КНР к изменяющейся глобальной среде, но и частью формирования новой архитектуры глобального управления климатом, в которой Китай выступает не просто участником, а активным нормообразующим актором». Однако, «анализ» вряд ли может быть целью сам по себе, поскольку этот исследовательский метод. Поэтому можно предложить следующую формулировку цели статьи – выявление особенностей используемых Китаем механизмов адаптации к глобальным экологическим вызовам, а также стратегий формирования новой архитектуры глобального управления климатом. С точки зрения методологии, в тексте присутствует некоторое противоречие между методами (историко-политический, сравнительно-исторический) и подходами (институциональный подход). В то время как «методы» являются историческими, «подход» предполагает политологический фокус исследования. Следует уточнить, какие именно процессы находятся в центре внимания автора – историческая эволюция подходов КНР к климатической повестке или институциональные изменения самих экологических соглашений? С точки зрения стиля и содержания текст статьи не вызывает серьезных нареканий, хотя временами встречаются странные выражения (напр., «юж-южное партнерство»), которые следует переформулировать. Кроме того, складывается впечатление, что при описании «исторического контекста формирования глобального климатического управления» автор придает значение только тем событиям, участником которых был Китай. Так, усилия стран «большой семерки» в 1970-е годы в сфере управления климатом не упоминаются даже вскользь (см., напр. Кокотсис Э. Глобальное управление в сфере изменения климата: достижения и перспективы // Вестник международных организаций. 2014. № 4), хотя «институциональный подход»

подразумевает особое внимание к деятельности таких структур. Наконец, в заключении автор пишет о климатической дипломатии Китая в целом, хотя название статьи предполагает наличие у Пекина нескольких дипломатических стратегий в сфере глобального климатического управления. Однако, в выводах говорится лишь о том, что сначала Китай осторожно участвовал в международных переговорах, а затем перешел к «активному формированию норм и институтов глобальной экологической архитектуры». Означает ли это, что на сегодняшний день Китай использует только эту дипломатическую стратегию, или есть другие? Какие именно действия КНР можно рассматривать в качестве проявлений его стратегического курса? Более точный и развернутый ответ на обозначенные выше вопросы может существенно повысить ценность данной статьи для академического сообщества.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В современном мире на наших глазах происходят кардинальные перемены в системе международных отношений: на смену уставшему североамериканскому колоссу приходят такие акторы, как Пекин, Москва, Нью-Дели. В этой связи вызывает интерес изучение различных аспектов дипломатии такого гиганта, как КНР, в частности, в рамках климатической дипломатии, ставшей настолько актуальной сегодня в условиях глобальных экологических потрясений.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является роль Китая в формировании механизмов глобального климатического управления. Автор ставит своими задачами проанализировать исторический контекст формирования глобального климатического управления, рассмотреть этапы становления и развития климатической дипломатии Китая, показать историческую преемственность и особенности китайской климатической дипломатии.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать роль Китая в формировании механизмов глобального климатического управления: эволюция дипломатических стратегий.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 29 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на английском языке. Из привлекаемых автором источников укажем на документы ООН и материалы информационных агентств. Из используемых исследований отметим труды А.К. Галимзяновой, Д.Н. Веселовой, Ю.Ю. Ковалева, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения роли Китая в формировании механизмов глобального климатического управления. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для

понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как климатической дипломатией, в целом, так и климатической дипломатией КНР, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что в начале XXI в. «Китай начал последовательно трансформировать свою климатическую дипломатию: от пассивного участника — к самостоятельному центру переговорной активности, способному выстраивать как альянсы с развивающимися странами в рамках G77+Китай и BASIC, так и конструктивный диалог с ЕС и отдельными западными державами». Автор отмечает, что «Пекин рассматривает борьбу с изменением климата не только как обязанность, но и как возможность для расширения внешнеполитического влияния путём выстраивания стратегического партнёрства с развивающимися странами». В работе показано, что в настоящее время «китайская внешнеполитическая стратегия в области климата приобретает всё более комплексный характер, совмещая в себе элементы дипломатической гибкости, технологического суверенитета, экономической адаптации и идеологического позиционирования».

Главным выводом статьи является то, что «от первоначального ограниченного участия в международных переговорах КНР перешла к более активной и многоплановой стратегии, направленной на формирование институтов и норм глобальной климатической архитектуры».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках стратегий климатической дипломатии.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Международные отношения».